

Никита ЛАРИОНОВ

Никита Ларионов родился в 1982 году в Москве. Окончил Московскую государственную академию водного транспорта. Ранее не публиковался.

МОДЕРАТОР

Повесть

Несмотря на то, что боль в правом колене была во второй половине дня ощутима, Настя, или, как гораздо чаще ее называли, Анастасия Вадимовна, последнюю часть пути шла пешком. Решение это было добровольным – она вполне могла подождать трамвай, – но все равно страшно Настю раздражало. Оно, как почти все принимаемые ею решения, казалось ей навязанным со стороны. «Трамвай не дождешься!» – решила она сама, но в этом «не дождешься» она явно ощущала чужую злую волю. Кто-то намеренно задерживает трамвай. Кто-то намеренно не выпустил на линию достаточное количество трамваев. Кто-то сделал так, что и в имеющихся на линии составах ехать неприятно, некомфортно, нет свободных мест. Она просто реагировала на проявление чужой недоброй воли. Шла пешком.

Была середина осени. В лужах отражались только-только включенные фонари. Весь день шел дождь, что было для этого города и для этого месяца совершенно естественно, а к вечеру он прекратился и даже и зонтик был не нужен. Чем то же, хоть и совсем немного, Настю раздражал. Таскай его. Впрочем, его более чем вероятная необходимость на обратном пути примиряла ее с необходимостью нести его теперь. «Через два часа будет дождь», – думала она. И начинала раздражаться на эти два часа.

Все хорошие школы устроены одинаково. Каждая нехорошая школа устроена точно так же. Но без малейшего намека на эмпатию. Директор нехорошей школы не понимает, и не пытается понять педсостав. Завучи не понимают претензии педсостава к составляемым планам и расписаниям. Учителя видят в учениках досадную обузу. Ученики видят в учителях то же самое. А уж родители с учителями – это вообще с разных планет существа. Одни смотрят на других, недоумевая от того, что те находят в себе наглость требовать: «Научите моего ребенка! Вы, в конце концов, оказываете услугу!» Им хочется рывкнуть что-то вроде «твой ребенок, ты и учи!», или еще что похуже. Другие не понимают, что может человек, получающий деньги за передачу знаний их ребенку, иметь в виду под «Мало занимаетесь дома!» в адрес рабочего человека.

Анастасия работала в школе очень давно и знала, что часть из предстоящих двух часов родительского собрания уйдет на похожие препирательства. Она знала, что отвечать. Она знала, как аргументировать. Было ли от этого менее неприятно ждать собрания? Нет. Первое, вводное, пятый класс. Большинство лиц новые. Четверть будут совсем недоговороспособные. Четверть – напыщенные дураки. Будут рассказывать ей о законах, которых не читали, ссылаться на Конституцию, которой не видели в глаза. Будут вращать глазами и шипеть «должно быть уже оплачено государством!». С этими будут проблемы при сборе на классные нужды, при сборе на охрану, при обсуждении питания. К ним примкнут малоимущие. Найдутся две мамыши, с воловьими глазами. Будут говорить «мы», «у нас» и «нам». Жалостливо и привычно. Будто в классе они всей семьей. Не один ученик, не одна ученица, а «мы». Словно за выбор рожать, рожать и рожать, не имея ни достатка, ни жилплощади, ни перспектив, ответственные не мамаша эта со своим мужем, а и этот ученик. Да и вообще, все. Общество, так сказать. Вместе они изволили решить, что ей надо становиться многодетной. Теперь это «наша» проблема. Классного руководителя, класса и этих «мы».

Анастасия огибала лужу с плавающими в ней кленовыми листьями.

Будет обязательно представлен противоположный полюс. Не менее раздражающий. Родители без материальных проблем. Эти будут недоумевать «почему мы спорим из-за трёхсот рублей? Разве это деньги?», искренне не понимая, что да – нередко это деньги. А для большинства собравшихся это деньги всегда. Это идти в любую погоду две остановки пешком, чтобы не тратить на трамвай. Это выбор товаров по акции в дешёвом супермаркете. Это 30 минут в месяц и один гигабайт интернета – и не дай бог не уложиться в тариф. Это комфорт, время, чувство собственного достоинства. И непониманием вот этого важнейшего – чувства собственного достоинства – обеспеченные родители и раздражают.

В прошлой параллели, в классе, где Анастасия была классным руководителем, был мальчик с родителями даже чрезмерно обеспеченными. Им хотелось выделиться настолько, что папа предложил купить в класс плазменный телевизор. Папе было неловко, особенно когда Анастасия стала ему объяснять, что так не делается. Что государство обеспечивает школу ровно тем, что является для процесса обучения необходимым. Что наличие телевизора в классе сделает ее – как классную руководительницу – материально ответственной. А это лишняя морока. Это лишняя отчетность.

Анастасия знала, что раз папа с этим предложением подошел к ней тет-а-тет, он хотел этот телевизор купить от себя. Она это знала. Но для завершения диалога прибегла:

– Знаете, и потом... Не все в классе находятся в одинаковом материальном положении. – Она смотрела на этого папу очень серьезно. Можно сказать, назидательно. – Я боюсь, что некоторым родителям будет затруднительно сдать деньги на такую дорогую вещь.

– Так я не имел в виду, что надо скидываться! – горячился папа, видя в таком повороте диалога надежду на улаживание дела. – Я готов, я приобрету сам! Я собирался сам!

– А... Сами! – Анастасия сделала паузу. И устало. И уже точно, назидательно: – Я лично и школа, Алексей Алексеевич, мы очень Вам благодарны. Но если у Вас есть такие возможности, я попрошу Вас использовать их иначе. Пожертвуйте на благотворительность. На больных детей или на беженцев Донбасса.

Она видела, как папа смущен. И его смущение ей польстило. Анастасия почувствовала гордость. Будто сделала важное и хорошее дело. Теперь, когда она вспомнила этот тип родителей, этот случай, этого папашу, она даже улыбнулась внутренне.

«Будет знать», – мелькнуло в голове.

Будучи, в сущности, не старой женщиной, и застав Союз только на самом его излете, Анастасия почему-то очень трепетно относилась к понятию «классовая борьба», на которое ей в том самом Союзе было положительно наплевать. Сама себе объясняла эту эволюцию взглядов емким «Поумнела». Классовую борьбу она вспоминала, объясняя свою неприязнь к «слишком» обеспеченным. Бедных она не любила по другой причине.

Раздраженно, но монотонно подумав о предстоящих часах собрания, Анастасия Вадимовна заглянула в магазин и купила там пару бананов и йогурт. Она понимала, что нормального ужина сегодня не будет. Рассчитываясь за покупки с армянином-продавцом, она вспомнила о следующей раздражающей категории родителей. И с этой категорией ей сегодня совершенно точно предстояло столкнуться. Это были мигранты.

Совершенно малочисленные в девяностые, предпочитавшие если и не столицы, то уж точно «большую землю» – так в области называли Россию в «большой» ее части, мигранты все более заполняли город теперь. С каждым годом все чаще в классах появлялись их с трудом говорящие по-русски дети. Росло раздражение от их лиц, от их привычек.

В классе, который был теперь под ее руководством, все эти категории родителей были представлены. Анастасия снова подумала о каждой категории по отдельности. Потом

обо всех вместе. Потом подумала, что наверняка будет и еще кто-то, пока ею не классифицированный, но не менее неприятный. У нее болело колено. Она прошла три остановки. Ей предстояло два часа говорить и выслушивать банальности.

Вот и ворота.

Внутренне раздраженная, но совершенно спокойная внешне, слегка прихрамывая, двадцать третьего числа второго осеннего месяца октября, завуч и классный руководитель Анастасия Вадимовна вошла на территорию школы. Она поздоровалась с охранником, взяла ключ от кабинета.

– Собрание? Анастасия Вадимовна, совсем вас загоняли! – участливо сказал охранник, преданно глядя на нее.

– И не говорите, Павел Петрович! Умотали...

Еще и трамвая не дождешься.

На часах было девятнадцать сорок пять. С назначенного времени собрания прошли пятнадцать минут. Было ясно, что не начинать его будет уже актом неуважения к тем собравшимся, кто уже сидел в классе.

– Ну что же, дорогие родители, я думаю, нет смысла тянуть дольше. Те, кто пришел – пришел. До тех, кто не пришел, мы доведем информацию. – Анастасия Вадимовна начала говорить и оглядела класс. – Спасибо Вам, что нашли время, пришли. Я ваш классный руководитель. Сразу извинюсь, что собрание поздно, в октябре. Раньше не получалось по техническим причинам.

За партами сидели взрослые люди. Взрослый человек, сажающийся за школьную парту, чувствует себя максимально неловко и максимально странно. Неловко потому, что ни парты, ни стулья банально не предназначены для взрослых людей и создают ощущения дискомфорта и узости. Взрослый человек ощущает себя Гулливером у лилипутов. Расстояния между партами слишком малы. Взрослый оказывается за партой в клаустрофобической ситуации. Ни откинуться на стуле, ни банально комфортно вытянуть ноги он не может. Край парты давит в живот. Спинка стула оканчивается где-то там, где только начинаются лопатки. Взрослому плохо за этой партой. «Не бывало таких парт! Не бывало таких стульев!» – словно говорит ему его тело. Странно же он чувствует себя потому, что он снова оказывается в школе, точно такой же, как та, где он учился сам, но совершенно в ином статусе. Его больше не вызовут к доске. Его не будут бранить за отсутствие сменной обуви. Но. Но: учитель тут, парты тут, доска тут – и все это вызывает смесь беспокойства и малореальности происходящего. Висящий на стене Федор Михайлович Достоевский, кажется, смотрит на взрослого и говорит ему: «Ну какой из тебя родитель, лоботряс?». Даже многодетные матери нет-нет да и ощутят что-то подобное.

– Дети наши учатся уже почти два месяца. – Анастасия Вадимовна нарочно сказала «наши». Она сокращала дистанцию. Показывала родителям, насколько она вовлечена. – Я успела с ними познакомиться. Вникнуть в проблемы. К сожалению, нам без проблем не удалось войти в учебный год. Но об этом позже.

Родители расселись неравномерно. На некоторых партах сидели по двое. Так, ряд напротив учительского стола, ряд у окон, был занят до четвертой парты включительно и целиком. Дальний же ряд, у двери, был, напротив, занят частично: за первой и почему-то третьей партой ряда сидело по одному родителю. За первой сидел круглый мужчина. За третьей мужчина не круглый.

– Я предлагаю пойти по следующему графику. Мы познакомимся. Выберем родительский комитет. Обсудим необходимые сборы. – Анастасия Вадимовна сделала паузу. – После этого мы обсудим ваши вопросы и имеющиеся уже проблемы.

Раздался то ли кашель, то ли смешок. Анастасия не успела понять, откуда, собственно, раздался звук. Видно было только, что привлек он практически всеобщее внимание. Большинство родителей, стараясь делать вид, что ничего необычного не

произошло, «незаметно» вращали головами. С учительского места это смотрелось даже комично.

– Начнем. Я буду называть фамилию ребенка. Его родитель, или представитель, будет поднимать руку или говорить «я», хорошо? – она надела очки и стала зачитывать фамилии, поднимая после каждого взгляд на класс.

– Андреева.

Рука с третьей парты среднего ряда. Женщина лет тридцати. Блузка.

– Амвросиев.

– Я, – первая парта средний ряд. Бабушка.

– Апанасова.

– Тут, – неожиданно, та же парта. Женщина с веками.

– Афиногенова.

Нет никого. Видимо, не смогли.

– Аяцков.

Рука с учительского ряда. Третья парта. Толком не видно. Женщина.

– Бушков.

– Мы, – радостно круглый мужчина. Весь сияет.

И так фамилия за фамилией. «Гаврилов, Губайдулин, Варакина, Липкин, Макарова, Никонов, Ожегова, Петрова...» Рука – там. Рука – сям. «Я!», «тут»!

– Пастениди! – рука. Совсем мальчик. Анастасия Вадимовна смотрит поверх очков.
– Вы брат?

– Да. Брат. Но я студент, – как-то заикаясь.

Дальше, дальше. Дальше. И вот они, родные.

– Умяров.

– Фахретдинов.

– Шабидзе.

Рука, рука, рука. Вторая рука даже и не с первого раза. Видимо, непонимание русского звукоизвлечения носит в семье системный характер.

Двадцать две фамилии. Четырнадцать на месте. И двадцать третья. Тоже на месте.

Яцко.

– Расчёт окончен, – вдруг говорит бас. Это мужчина не круглый. С третьей парты ряда у двери. Он сказал это спокойно и, кажется, доброжелательно. Но настолько «вдруг», что Анастасия Вадимовна и на него посмотрела поверх очков. Она не одобряла превращения класса в балаган, даже если детей в классе не было.

– А почему, простите, вы так решили? – строго спросила она. К ее удивлению, мужчина совершенно не смутился. Он посмотрел на нее и очень спокойно сказал:

– Я решил именно так потому, что «Я» – последняя буква алфавита. Так говорила моя бабушка. И это же мне подтвердили в школе.

– Вы чей папа? – Анастасия Вадимовна была расстроена, что не запомнила сразу. Сейчас было бы неплохо срезать его, обратившись по фамилии. Она спросила максимально сухо.

– Я Светы Макаровой папа. Артем. Будем знакомы.

– Ясно, – чем срезать было не очевидно. – Начнем с родительского комитета.

Анастасия Вадимовна с удовольствием отметила, что круглый папа, сидевший через парту от папы Макаровой, был его демаршем тоже возмущен. Он вроде даже и открывал рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, тоже не придумал что.

Родительский комитет

– Анастасия Вадимовна, давайте я. – Она говорит, как старой знакомой. Ровно, спокойно. Она чуть выделяет «давайте», но не очень сильно. Это не просьба и даже не предложение. Это констатация факта. Она будет главой родительского комитета. Это знает

педагог (она называет учителей именно так). Это знают, или должны, по ее мнению, знать, собравшиеся.

– Вы... Варакина? – Анастасия Вадимовна понимает, что эта женщина не просто так говорит уверенно. Она вспоминает ее лицо. Конечно. Она видела это лицо. Наталья Варакина – мама Паши Варакина, закончившего год назад. – Наталья... Сергеевна, кажется? Наталья Сергеевна, рада снова Вас видеть. Со вторым ребенком. С опытом, так сказать.

Варакина польщена тем, что ее узнали и одновременно воспринимает это как должное.

– Спасибо, Анастасия Вадимовна. Хочется помочь вам максимально. У меня, сами знаете, опыт работы в родительском комитете есть. Я не то чтобы навязываюсь, но думаю, что всем будет так проще...

Люди в России уверены, что воруют везде. Вообще везде. В этом смысле нет больших русофобов, чем русские люди. Они уверены, что со стройки крадут щебень и батареи, из поликлиники бахилы и шприцы, из офиса – бумагу. Они уверены, что крадут то, что не прикручено. Они верят, что прикрученное откручивают и крадут. И тем более никто не сможет убедить русского человека в том, что там, где есть живые деньги, пусть самые невеликие, может не быть воровства. Родительские комитеты в этом плане – одни из наиболее подозрительных институций, с которыми граждане сталкиваются во время учебы их детей. Во-первых, они общественные, то есть состоят из таких же родителей. Людей, склонных, по мнению русского человека, к криминальным поступкам. Во-вторых, они, по сути, крайне демократичны. Т.е. решения о собираемых суммах и способах их трат принимаются коллегиально. А значит, несправедливо и глупо. По мнению русского человека, с единственной целью: обшельмить именно его. Наконец, родительские комитеты, собрав деньги, зачастую имеют самое приблизительное представление об отчетности. И этим только усугубляют подозрения в свой адрес.

И в самом деле, на что не пойдешь, чтобы не поживится полуторами тысячами рублей, например?

Человек, добровольно и с охотой вызывающийся родительский комитет возглавить, просто не может не быть подозрителен. Анастасия Вадимовна видит, что несколько родителей с сомнением переглядываются.

– Наталья Сергеевна, я в целом за. Но это должно быть решение не мое. И не ваше. – Анастасия Вадимовна улыбается максимально доброжелательно Варакиной. – Давайте проведем голосование. Родители! Родители!

Родителей не надо призывать к порядку. Поэтому обращения выглядят как элемент нагнетания торжественности.

– Родители, ставлю на голосование кандидатуру Натальи Сергеевны Варакиной в качестве председателя роди... – быстро говорит Анастасия Вадимовна, и тут случается неожиданное. Раздается полный сомнения и какой-то желчи голос.

– Странно как-то! Не очень ли быстро вы голосовать решили? – говорит женщина с ряда у окна, синий свитер, черные распущенные волосы и несколько одутловатое лицо. Ни по свитеру, ни по волосам, ни по лицу возраст женщины быстро не определим. – Может быть, кто-то еще хотел?

– Что хотел? – как бы себе, а не родителям говорит Анастасия Вадимовна. Ее настолько выбивает из колеи развязный тон говорящей, что она теряется и не сразу понимает, что к чему. – Вы имеете в виду, рассмотреть другие кандидатуры? Конечно! Конечно! Вас, простите, как зовут? Вы хотите выдвинуть кандидатуру?

– Я Мария. Я не про то, что стать. Я про то, что быстро как-то. Странно, говорю! – женщина не называет фамилию. Тон по-прежнему развязен. И становится все более вызывающим с каждой фразой. Она словно накручивает сама себя. Убеждает сама себя в странности и несправедливости происходящего.

– Мария как? – пытается уточнить Анастасия Вадимовна.

– Что значит как? Я говорю не про себя. Я говорю вообще. Странно. Раз-раз и давай голосовать!

– Мария, я не знаю как вас по отчеству. И уточните, пожалуйста, чья вы мама? – Анастасия Вадимовна пытается вернуть беседу, неожиданно и бессмысленно выходящую из берегов, в спокойное русло.

– А какая разница, чья я мама? Это тут при чем? Ребенок тут при чем? Если вы даже не спросили, может, еще кто хочет, а раз – и голосуй? Ребенок при чем тут мой? – как ей кажется, резонно, вопрошает Мария.

Внезапно вмешивается бабушка Амвросиева и вмешательством своим делает обстановку еще более накаленной.

– Мамаша, вы чего разнервничались-то? – всем своим тоном она показывает, что дело плевое и что некоторым стоило бы и нервишки подлечить.

– Я вам какая мамаша такая? – Мария.

– А кто? – искренне удивляется бабушка.

– Я вам тут... Вы какое право-то? – Мария пытается придумать яркое хамство, чтобы бабку осадить. – Я говорю... Быстро, говорю, она мне мамашкает!

– Вечер перестает быть томным, – меланхолично замечает папа Макаровой.

– Родители! Родители! Спокойнее. Никто не пытается кого-то оскорбить. Никто не пытается никого проташить, – пытается восстановить порядок Анастасия Вадимовна.

– Очень надо! – фыркает Варакина.

– У нас только первый вопрос, поэтому давайте постараемся вести себя корректно и друг к другу, и к... – Анастасия Вадимовна вздыхает. Она понимает, что «друг к другу» достаточно. Она оглядывает класс. И ей на самом деле хочется сейчас просто повысить голос и рявкнуть: «Тишина!» Но, увы, увы. – Давайте поступим следующим образом. Есть кандидаты, кроме Варакиной? Есть?

Кандидатов нет.

– Мария, давайте, раз у вас были вопросы, мы вас рассмотрим в родительский комитет тоже? Там вы сможете свое любопытство удовлетворить. Давайте?

Мария жмет плечами. Дескать, ну раз уж других вариантов нет, то давайте.

– Голосуем за главу комитета. – облегченно вздыхает, уже было начиная улыбаться, Анастасия Вадимовна. Как выясняется, рано.

– Я хочу сказать, что не очень-то я и рвусь. Что бы и кто бы ни думал, – говорит Варакина, и Анастасия Вадимовна с ужасом предполагает, что приключения только начинаются. – Вы, может быть, думаете, что это какая-то такая хлебная должность? Благодарная, может быть?

Варакина поворачивается к Марии. Это происходит медленно, словно Варакина танк, и у танка не спеша поворачивается башня. В башню сложным механизмом закатывается снаряд. Все это не спеша, но неумолимо.

– Может быть, кто-то думает, что в родительский комитет я воровать, может, стремлюсь? – Варакина повернулась и смотрит прямо на Марию. Она очень спокойна. Наводчик опускает дуло. – Может, так? Я тогда скажу. Не надо судить по себе.

Залп.

– Мне все это... – «это» с подчеркнутым пренебрежением. – Не надо и самой. Я хотела помочь, но раз какие-то подозрения, то я и не хочу.

Во всей этой речи Мария уловила, конечно, и агрессию, и вызов. Но, как и многие простодушные люди, на сути Мария не фокусировалась, воспринимая речь как некий шум, обрамляющий выпад. Бессмысленный и беспощадный. Потому самую, в общем, обидную часть с этим «судить по себе» упустила вовсе. Теперь, когда Варакина вроде как отказывалась от положения председателя комитета, инцидент казался ей исчерпанным. Мария смотрела на Варакину, как на новые ворота.

– Да не горячитесь так! – примирительно начала она. – Никто ничего не винит!

– Наталья Сергеевна, в самом деле! Не стоит вам переживать. Просто недопонимание. И я бы очень попросила вас, с вашим опытом... – Анастасия Вадимовна буквально затараторила: – Все же сделать хотя бы мне одолжение и согласиться возглавить родительский комитет.

Через пять минут и четыре поднятия рук комитет был сформирован. Возглавила его Наталья Варакина. Мария, как все же выяснилось, Липкина, Людмила Афиногенова и Нино Шабидзе, к удивлению собравшихся владевшая русским языком лучше Липкиной и Афиногеновой вместе взятых, вошли в его состав.

Анастасия Вадимовна не упустила возможность немного уязвить папу-резонера Макаровой.

– Вы, простите, не хотите войти в состав комитета? – ненатурально улыбаясь, поинтересовалась она.

– Простите, увы, не смогу оправдать такого доверия. Я и сейчас здесь в большей мере случайно. Обычно слишком занят, – ответил папа.

— Вот, как всегда. – Анастасия Вадимовна обвела класс, будто торжествуя. – Папы всегда чем-то у нас заняты. Неудивительно!

Пришла пора обсуждать деньги.

Классные нужды

«Дал бог зайку – даст и лужайку», – гласит народная мудрость, несколько упрощая каноническую версию для оправдания отсутствия планирования семьи и прочих расходов. «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» И в самом деле, не гораздо ли?

И сказано уже и земными правителями, не от царствия Его: «Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях». Так о чем, казалось бы, беспокоиться?

И Богу – Богово, и Кесарю – Кесарево. И что на земле, то и на небе. И кажется, ну какие могут быть вопросы к родителям хоть по этой части?

Но пути неисповедимы. Классные нужды сами себя не утолят. Классу нужно.

Нужны новые шторы. Нужна вода для кулера ежемесячно. Необходимы пластиковые стаканчики в кулер. Неплохо бы полотенца бумажные. Давайте возьмем туалетной бумаги еще. На всякий. Пакеты для мусора – тоже пригодятся. Бумага для рисования – по комплекту стоит иметь. Детям нужны праздники? Детям нужны подарки? Детям нужны поездки в музеи?

На все вопросы – да.

И дальше – нюансы.

Проблемы совершенно логично стартовали с обсуждения бюджета на подарки. Девочек в классе больше, чем мальчиков. Значит, при том, что суммы со всех собираются одинаковые, на подарки каждой девочке выйдет меньше денег, чем мальчику.

– Значит, – заключала бабушка Амвросиева, косясь на новоизбранный родительский комитет, – девочкам нашим купят пластиковое дерьмо какое... Куклы там...

– Ну почему же вы думаете, что обязательно мы им будем пластиковое что-то покупать? – томно интересовалась Варакина.

– Ну в самом деле! Ну почему же куклы? Им не семь же лет! – поддерживала Анастасия Вадимовна.

– Хотя если буквально пластиковое дерьмо, это было бы даже в своем роде изящно, – почти про себя говорил папа Макаров, раздражая своим резонерством папу Бушкова.

– Надо что-то равноценное! Книжки или ручки! – кипятился Бушков, хотя конкретные подарки еще никто не выбирал. Его круглое лицо покраснело. Он чувствовал, что каждый крик важен.

Потом – поездки. Куда ехать, если не в театр? В театр надо, но ведь можно и в музей! Сколько раз за четверть? А не много ли? А не мало ли?

– Ну вот в кукольный ездила она в том году, – то ли рассказывала, то ли причитала бабушка Амвросиева. – Деньги вроде небольшие, но и ведь неинтересно! А это даже и не в школе!

– Мы поедем по программе школьной смотреть. По программе произведения! – назидательно говорила Варакина.

– Зачем кукольный? Помилуйте! Это же не детский сад! – поддерживала Анастасия Вадимовна.

– Так и в развитии недолго опоздать, – говорил почти про себя папа Макаров.

– На девятое мая будут экспозиции в музеях! – кричал Бушков, все больше на Макарова раздражаясь.

Решены были и эти расходы. Проведен был и им примерный учет.

Анастасия Вадимовна даже подумала, что они идут с опережением графика, когда круглолицый папа вспомнил, что, когда он учился в школе, все сдавали на охрану, и принялся переносить свой опыт из гнетущего прошлого в тревожное настоящее.

Пожилой охранник Павел Петрович, вероятно, не в силах был остановить даже собственное мочеиспускание в нужный момент. Павла Петровича видели на входе все. И пусть в воспоминаниях о тревожных девяностых не было смысла. Пусть давно никто ни на какую охрану не сдавал. Пусть повлиять на ее наличие, отсутствие или качество собравшиеся не могли никак, речь Бушкова производила на преимущественно женскую аудиторию гипнотическое воздействие. Он говорил о безопасности, а значит о страхе. Он буквально этим страхом торговал, выменивая на него внимание аудитории.

– Я видел этого охранника на входе! Если я захочу, я пройду его и даже и не замечу! – жестикулировал и горячился «круглый папа» Бушков. Ему нравилось говорить о своем гипотетическом проникновении в школу вопреки воле охраны. Он видел внимание собравшихся и всячески подчеркивал свою мужественность, брутальность и бескомпромиссность. – Я его и слушать не буду! Я локтем дам и пойду.

– Послушайте. Послушайте! – пыталась доказать недоказуемое Анастасия Павловна. – Павел Петрович, как и его коллеги, все же ветеран! Это во-первых. А во-вторых, агентство с другим персоналом и стоять будет иначе! И наконец, это все никак нельзя поменять тут!

– И пусть! – горячился Бушков. – Пусть стоит иначе! Но это будет безопасность! Пусть будут хоть люди с нормальными пистолетами! Я вам сейчас расскажу, как это делается!

– Как это делается, простите, где? – спросил Бушкова, которого он про себя окрестил уже «маминым пирожком», Макаров.

– Да какая разница где?! – вспыхнул Бушков, который был разгорячен своим гипотетическим боем со школьной охраной. – Везде, где нормально охраняют!

– Вы про школу какую-то? – Макаров, казалось, был искренне заинтересован. И так же искренне не понимал, почему так злит своего соседа по ряду. Тем более в разговоре о нереализуемом.

– Про школу, блядь! – неожиданно еще добавил экспрессии Бушков.

Это «блядь» аж подбросило Анастасию Вадимовну.

– Папы! Папы! Я попрошу! – громко вскрикнула она. – Давайте будем соблюдать приличия. Мы же в школе!

Бушков повернулся к Анастасии Вадимовне, приложил обе руки к сердцу, как извиняются обычно люди, для которых внешний эффект важнее внутреннего, и стал проникновенно и быстро говорить.

– Анастасия Павлов... Вадимовна, простите. Простите, ради бога. Я понимаю, что школа. Я понимаю. Люди культурные. Но ей-богу! – он оставил левую руку у сердца, а

правую воздел к классному руководителю. – Тут серьезные вещи обсуждаем! Это, понимаете, безопасность! И я просто не могу, когда кто-то так. Несерьезно!

Он повернулся к папе Макарову.

– Я, уважаемый, извиняюсь, конечно. Но вы понимаете, что надо серьезней?

Папа Макаров смотрел на него ничего не выражающими глазами и несколько секунд молчал. Он вообще, казалось, думал о своем. Потом тихо сказал:

– Как вам будет угодно, – и откинулся на спинку стула.

Когда конфликт, казалось, был улажен, своим мнением о безопасности решила поделиться бабушка Амвросиева. Реплика ее была кратка, апокалиптична, как большинство реплик пожилых людей о дне сегодняшнем, и послужила отличным катализатором.

– Прав папа. Прав. Ситуация-то в мире какая! – воскликнула она. – А если вон какие-нибудь войска школу захватят. Это очень опасно. Охрана должна быть.

Сентенция о таком грозном противнике школьного образования эффект возымела. Собравшиеся покосились на Яцко. Каждый представил себе по головорезу, пихающему локтем Павла Петровича.

Несмотря на то, что за словами этими не было ни здравого смысла, ни логики, задумались, казалось, все. Тем более, что спор с таким аргументом казался гораздо опасней большинства опасностей, клубившихся окрест.

– Это да! И это да! – горячо подхватил неожиданный аргумент Бушков. – Мало ли кто школу захочет захватить!

Анастасия Вадимовна внимательней посмотрела на Бушкова. И внимательней на него глядя, объяснила, что никаких сборов на охрану уже много лет нет. И потому обсуждать это бессмысленно. И что вопрос ЧОПов решается директором лично.

– Значит, если решать сменить, даже и не спросят, что ли? – опять оживилась Мария. Но вопрос этот прозвучал риторически, и разговор поддержан не был.

Если бы был проведен опрос. И если бы в опросе этого каждого из собравшихся родителей попросили бы самоидентифицировать себя, большинство наверняка написало бы о себе два слова. «Простой человек». Простой человек, или его брат-близнец и полный аналог обычный человек, по какой-то удивительной причине являются образцами для подражания, ролевыми моделями и одобряемыми типами поведения. Чего хочет простой человек – того хочет Бог. А если это простая женщина? Простота и обычность хочет примерно ничего. Обычному человеку не требуется. И этим он жив. Именно по этой причине любому из родителей ясно было: если будет решено ЧОП сменить, их действительно не спросят. Как и в случае, если менять ничего не будут.

Немного погорячившись, собрание остывало. Бюджет был в целом принят.

– Я прошу прощения! – Бушков встал. – С вашего позволения я отойду покурить.

– Мы прерываться не будем. – предупредила Анастасия Вадимовна. Ей тоже захотелось курить. Но для родителей Анастасия Вадимовна не курила. И потому составить компанию не могла.

– Ради бога! – улыбнулся Бушков и, переваливаясь, вышел из кабинета.

Перекур

– Я на крылечке покурю! Вас Пал Петрович? Меня Саша.

– Да. На крылечке можно.

Пал Петровичу приятно, как полный мужчина разговаривает с ним. Ему льстит внимание. Ему льстит, что, проходя мимо, мужчина сообщил ему куда идет. Вроде как даже спросил разрешения. Павлу Петровичу тоже почему бы и не покурить?

Они закуривают. Молодой человек, как обозначил Пал Петрович полноватого Сашу, прикуривает Пал Петровичу.

– А вы, говорят, ветеран?

– Да. Ветеран я. – Павел Петрович делает затяжку, смотрит в небо. В небе не видно ничего. Из-за висящего почти над курящими фонаря толком не видно даже неба.

– Чечня?

– Афган еще. И Чечня, да. – Он затягивается еще. Ему нравится разговор. Ему нравится произносить эти названия в ответ на вопрос. Это ощущается совсем иначе, чем когда говоришь об этом без спросу.

– А тут давно?

– Тут? – притворяясь, что то ли не сразу расслышал, то ли не сразу понял, переспрашивает он.

– В школе, имею в виду.

– Тут, это я да. Давно. Лет десять.

Затяжка. Пауза. Павел Петрович говорит. Он говорит вещи, проговоренные не раз и себе и окружающим. Но проговоренные давно. Наверное, в последний раз лет пять, а то и семь назад. Он говорил это пожалуй что сыну.

– Ну а как? Пенсия, сам знаешь. Не проживешь на пенсию-то особо и сам. А если и не сам? Да и к тому же я же человек не такой и старый. Тут при деле вроде как. Хоть и школа, но все же и ответственность. Я же и журнал, вон, веду. И ключи выдаю. И вот если как сегодня в ночь. Обходы. Все, знаешь, похоже, разомнись.

Мелькает воспоминание, как он действительно говорил это сыну. Действительно лет семь назад. И поймал себя на мысли, что говорит это не впервые. И увидел, что сын помнит, что слушает это не впервые. Что сын изображает интерес. Павел Петрович вспоминает на секунду тот мелькнувший страх: «А что если дальше будет хуже?» Страх возможно надвигающейся страшной беспомощности. Он вспоминает про беспомощность и вспоминает Люду. Жену. Потому что тот страх в том разговоре – он про такую же беспомощность, как у жены. Павел Петрович затягивается.

– Вы в МВД были?

– Да, знаешь... Как на пенсию, туда-сюда. Жена еще болела. Ну я и искал уже потом, где можно чтоб медкомиссия не такая строгая.

Он смотрит на собеседника. Он чувствует, что эти неожиданные воспоминания о Люде, о ее беспомощности, о ее раке, о ее смерти, портят ему этот разговор. Портят это внимание. Павел Петрович не хочет, чтобы разговор был испорчен, он не так часто интересен, чтоб вот так и в прошлую жизнь. А тем более в прошлую смерть.

– Платят нормально?

– Ну, в принципе хватает. Да и куда деваться. – Он улыбается виновато. – А вы на собрании?

Павел Петрович знает, что на собрании. Но он хочет разговор пересобрать. Он хочет спросить сейчас глупость, чтобы тот как можно короче ответил свое «да!» и спросил его в ответ. Как у него дела. А что он думает о том. А что об этом.

– На собрании. – говорит Саша. И вспоминает резонера с задней парты. Резонер раздражает Сашу все больше. Он и курить-то вышел, чтобы немного успокоиться.

Саша думает о таких же остроумцах в своем дворе, в своем детстве. Он вспоминает их шутки в свой адрес. Он вспоминает морозный день на льду озера. Они с пацанами идут, огибая лунки. Саша помнит, что папа говорил ему огибать эти лунки с запасом. Саша сообщает об этом ребятам, с той серьезностью, с которой мальчишки делятся сакральными, полученными от взрослых и опытных, знаниями. У Саши отличное настроение. Первый день каникул. Он чувствует себя на своем месте в этой компании, на этом пруду. Он важен и нужен. И все рушится одним замечанием.

– Ну ты-то мог бы так и не огибать. Полноват. Не провалишься.

Все смеются, и он снова толстый мальчик на льду. Он чувствует себя в этой компании лишним. Снова.

Он снова думает о папе Макарове.

– Собrania – это важно, да. Вот я слышал, сейчас все европейцы собираются. Что-то решают. – возобновляет Павел Петрович.

– Решают. Да пошли они. – Саша переключается с Макарова на власть имущих. Далеких и не менее ненавидимых. – Че-то все говорят, говорят. Уже законов принимали...

– Ну да! – Павел Петрович рад, что дискуссия оживилась. – И все против нас! Мне и сын мой так говорит!

– Я не понимаю наши-то чего? – горячится Саша. Он таращит на Павла Петровича глаза, видя в нем полное понимание собственного негодования. – Надо...

И Саша объясняет, что надо бы сделать.

И Павел Петрович слушает. Кивает. И он тоже знает, что надо сделать. Они согласны в проблемах Сирии. Они ясно видят проблемы Международного Валютного Фонда. Они знают о внутреннем долге Америки Северной и о проблемах Америки Центральной. Они осуждают резолюцию ООН по Ливии. Они делятся сокровенным о присутствии Франции в поясе бушеля Африки.

Они говорят еще пару минут. С черного, невидимого за фонарем неба начинают падать капли.

Сигареты выкурены. Двое, против которых принимались в далеких и близких европейских странах законы, расходились. Павел Петрович, сын которого не звонил ему уже два года, возвращался за стол у входной двери в школе. Он сел за стол довольный беседой. И коротко размышлял о том, как бы все же заставить сына позвонить или хотя бы взять трубку. Саша, бросивший ему «Еще выйду!» возвращался в класс, не помня уже, как двадцать минут назад грозил этого охранника отпихнуть локтем.

Папа Макаров

Собрание явно пересекло экватор. Анастасия Вадимовна монотонно разъясняла требования к ученикам, их внешнему виду, успеваемости. На рассказе о порядке проведения срезов знаний в класс вернулся папа Бушков. Административная эта часть вопросами прерывалась нечасто.

– В синей-то кофточке, такой, вязанной, можно же ходить? – спрашивала бабушка Амвросиева.

– Только летом, – замечал папа Макаров, на которого тут же недобро оборачивался папа Бушков.

– Ну ходите, конечно! – успокаивала бабушку Анастасия Вадимовна. – Дресс-код в школе очень разумный. Запрещены только... излишне, знаете, вызывающие элементы одежды. Отслеживайте, чтобы на футболках, например, не было каких-то вызывающих опять же надписей. Или принтов. Особенно, каких-нибудь...

Она подбирала слово и подобрала.

– Экстремистских, понимаете?

Все повернулись к Яцко.

Оживление произошло на этапе рассказа о порядке питания.

– Обед после третьего урока. В классе есть три ребенка, – Анастасия Вадимовна сверялась с записями, – из льготных категорий. Пастениди, Умяров и Фахретдинов.

– А почему это они льготные? – искренне недоумевала Мария.

Брат-студент Пастениди краснел и беззвучно шевелил губами, силясь начать что-то объяснить. Мама Умярова реагировала на свою фамилию и как-то внутренне подбиралась. Видно было, что это одно из немногих слов, которые она на этом собрании понимала безоговорочно.

– Опять русских людей начинают обижать, – меланхолично и очень тихо продолжал раздражать папу Бушкова папа Макаров.

— Это многодетные, — поясняла Анастасия Вадимовна. — Для них после седьмого урока еще полдник.

— Тебе сколько лет? — Мария поворачивалась к Пастениди. — Ты студент же? Студент? Он студент!

По непонятной причине льготы раздражают больше всего именно тех людей, кто на их получение не имеет никаких прав. Марию Липкину они сейчас раздражали невероятно, и она видела в себе ту длань, которая поспособствует их отъему. Хотя бы у тех, кто на них тоже, как ей казалось права не имел.

— Студент он! Какие многодетные? — возмущалась она.

— Там... Мы... — шевелил губами Пастениди, красный как сигнал светофора.

— У них другая ситуация, — деловито и чуть повышая голос говорила Анастасия Вадимовна. — Там потеря кормильца.

— А он не кормилец? — не сдавалась Липкина, хотя совершенно очевидно было, что до статуса кормильца этому мальчику было еще очень далеко.

— Хочешь быть кормильцем, будь им, — замечал Макаров. — Но тут это явно преждевременно.

— А эти? — показывала Мария на строгую Умярову. — У вас гражданство-то есть? Откуда? Есть?

Возмущение ее было таким искренним и таким пустым, что часть родителей колебались, не примкнуть ли нему, но все понимали, что это было несколько несвоевременно и стыдно.

— Мария, простите, пока не запомнила отчество, — совсем уже громко и строго вещала Анастасия Вадимовна. — Во-первых, успокойтесь пожалуйста. Во-вторых, поверьте, никто льгот неправомерно не получает. Все граждане. Учет очень строгий.

Ей хотелось добавить, что, в конце концов, это не ее дело, кому и за что полагается этот злосчастный обед, но из опыта она знала, что фраза «не ваше дело» может спровоцировать взрыв.

Емкое слово Республика. Зловещее коза ностра. Нет такого дела, про которое в России нельзя сказать, что оно общественное. Нет такого дела, про которое точно известно, что оно не наше. С незапамятных времен сельской общины до партсобраний на тему «Половая жизнь токаря Иванова в контексте решений последнего съезда партии». Со времен проработок на комсомольском собрании до кухонных посиделок. Почти у любого на подкорке. Любая деталь. Любая проблема. Это дело «наше». Не стоит пытаться искать нелепые отговорки о неприкосновенности частной жизни. Не стоит стыдливо прятаться за конфиденциальностью тем и пикантностью ситуаций. Слова «не ваше дело» звучат оскорбительно. Они как бы выключают либо произносящего их, либо того, в чей адрес звучат, из социума. Из коза ностры. Из республики.

Чувствуя, что говорить так не стоит, Анастасия Вадимовна, погасила разрастающийся конфликт иначе.

— С льготниками мы обсудим отдельно! Отдельно. Теперь важное. — Это было сказано ей так уверенно, что Мария замолчала и обратилась в слух. — Через неделю, класс едет на первую экскурсию. Едем на автобусе. Едем организованно и с сопровождающими. Соответственно...

Анастасия Вадимовна взяла паузу, чтобы удостовериться в том, что споры окончены. Она с удовлетворением отметила тишину в классе.

— Соответственно, родителям необходимо будет подписать доверенности на сопровождающих, — выдохнула она и, взяв со стола стопку листов, протянула их перед собой, родителям на первой парте. — Я попрошу каждого заполнить бланк. И вписать туда наших родителей из родительского комитета. Я сейчас напишу на доске. Раздайте, пожалуйста.

Она встала из-за стола и вывела на доске фамилии и инициалы членов родкома.

– Заполняете так: ФИО ребенка, ваши данные как законного представителя и сегодняшнее число.

Стоя у доски, она смотрела на заполняющих формы родителей. Отсюда они напоминали ей настоящий класс. Они выводили фамилии на листах. Кто-то сосредоточенно, заглядывая к соседу в листок, словно списывая контрольную. Кто-то небрежно, явно показывая, что навык письма не утрачен и используется и во взрослой жизни. Не писал лишь папа Макаров. Он сидел перед своим листом и задумчиво на него смотрел. Потом поднял глаза и, встретившись с Анастасией Вадимовной взглядом, виновато улыбнулся.

– Вы простите, – сказал он, и сидевший перед ним Бушков раздраженно обернулся, ожидая очередной шуточки. – Я не могу это заполнить.

– Вам, может быть, что-то неясно? – спросила Анастасия Вадимовна.

– Нет. Все ясно. – Макаров как-то виновато развел руками. – Просто я не имею права это заполнять. Я лишен родительских прав.

Теперь к нему повернулись все.

Папа Макаров смутился. Он понял, что сказал лишнее и попытался если и не вернуть, вылетевшее слово, то хоть как-то его смягчить.

– Я хотел, Анастасия Вадимовна, позже это с вами обсудить.

– Божечки, – выдохнула бабушка Амвросиева. В тишине, повисшей над классом, ощущалась неловкость. В ней было что-то липкое.

– Да, конечно. Давайте после собрания, – все так же улыбаясь папе Макарову, сказала Анастасия Вадимовна. Она предвидела, что вопросов будет не избежать именно теперь. – Задержитесь потом. Мы уже заканчиваем.

В голове каждого из собравшихся образ человека, лишаемого родительских прав, был сформирован давно и крепко. Точнее два образа: мужской и женский. Лишенная родительских прав женщина была для них спивающейся и необеспеченной. Эта женщина пренебрегала ребенком и гуляла черт пойми где и черт пойми с кем. Ребенок был ей обузой, мешавшей строить свои алкогольно-амурные отношения. Наряду с чувством легкого омерзения, она вызывала чувство превосходства. На нее можно было смотреть сверху вниз. И делать это с полным основанием. Может быть, поэтому она могла вызывать еще и жалость. Лишенный родительских прав мужчина был страшнее. Лишенный родительских прав мужчина ассоциировался с двумя словами: насилие и инцест.

– Я, конечно, извиняюсь, – сказала Мария, глядя на Макарова, но обращаясь вроде как не к нему. – Но, может быть, родительскому комитету хотя бы будет тоже интересно узнать детали?

– А, простите, как родительский комитет с этим связан? – ровным тоном осведомился Макаров.

– Я, конечно, еще раз извиняюсь, – Мария интонационно подчеркнула, что извиняется она не всерьез. – Но все-таки дети наши учатся в одном классе и их безопасность важнее?

– Важнее, чем что? – Макаров действительно не понял, что Мария имеет в виду.

– Важнее, чем ваши эти «после собрания»? Что вы там такого сделали?

– А каким образом я могу быть детям небезопасен? – Макаров спрашивал спокойно, но уже начал понимать, что сказал лишнего и так просто с него уже не слезут. И совершенно зря добавил: – Тем более вашим.

– Ну все же дети учатся в одном классе! – строго вступила в разговор Варакина. – И, конечно, будут с вами пересекаться!

Это ее «конечно» звучало так категорично, будто само собой разумелось, что папа Макаров будет сидеть с ними в одном помещении регулярно. Тянуть руку с задней парты, ходить к доске и бегать на переменах по рекреациям.

– Кто знает, что вы такого совершили? – вторила ей Мария.

– Еще и разведенный, наверное, – вздохнула бабушка Амвросиева.

Если папа Макаров зря сказал «вашим» детям, будто имел право представлять опасность для собственного ребенка, то бабушка совершенно зря вздохнула о разводе. Добрая половина присутствовавших на собрании мам была разведена. Замечание бабушки не могло собравшимся понравиться.

– Развод ни при чем, конечно. – Мария повернулась к Амвросиевой. – Мало ли что в жизни бывает? Я сама разведена. И слава богу!

– Почему слава богу? – вступил в разговор Бушков.

– Потому, что не ваше дело! – осадила его Мария, но затем начала зачем-то пояснять. Было ощущение, что она хотела проговорить сообщаемые детали, и если бы Бушков ее не прервал, то она их сообщила бы сразу. – У меня муж был – не приведи господи. Ни работы, ни ума, ни заботы, ни внимания. И на ребенка сил не оставалось. Ходил, ходил. Чего ходил? Куда? Тюкал, тюкал.

– Может, вы все же расскажете, что конкретно произошло? – пыталась вернуть разговор к теме родительских прав Варакина. Она обращалась к Макарову, но Мария уже вошла в раж и решила, что вопрос к ней.

– Как что произошло? Я его выгнала, и теперь хоть время есть. Хоть на себя время есть. А не то ходил. И все не так ему, а сам? Хоть бы копейку принес. А сейчас хоть вот его с алиментами прижали, и мы вот в том году в Анапу съездили. – Мария отвлеклась настолько, насколько это было возможно. – Ребенка в кружки записали! Не хуже всех живем...

– Не помогал совсем? – бабушка Амвросиева проявляла участие. – А сейчас хоть алименты платит?

– Да куда там платит. – Мария усмехнулась. – С него сейчас автоматически списывают. С карты. Прямо с карты. У меня хоть на себя время оставаться стало! Хоть записали в кружок! Ребенок учится!

Анастасия Вадимовна наблюдала за этим потоком сознания. Улыбки на лице уже не было. От стояния у доски снова заныло колено. Она, вздохнув, вернулась за учительский стол. Казалось, будто эта родительница прямо сейчас объясняет им, почему именно ее – Марию – ни в коем случае нельзя лишать родительских прав. Будто она доказывает им, что живут они бедно, но очень неплохо. Что развелась с мужем она не зря. Что ребенок у нее обеспечен, устроен и обучен не хуже, чем у других. Словно слушалось ее дело. Словно вообще слушалось хоть чье-то дело...

– И хоть копейки сущие, но теперь все строго – прямо с карты мне и отчисляют! Вот сюда! – Мария положила на стол карту Сбербанка, невесть откуда появившуюся у нее в руках. – А то он раньше скрывал. Он оформлялся в серую. Ни денег, ничего! И алиментов не взять! Но я...

– Я прошу прощения. – Анастасия Вадимовна прервала, наконец, монолог. – Это очень интересно, но давайте перейдем к собранию? Вы подписали доверенности? День будний, всем завтра на работу.

Мария наконец замолчала.

– Мы-то подписали, Анастасия Вадимовна. – Варакина протянула свою доверенность. – Но может быть вы, как педагог... как классный руководитель, можете нам разобраться?

Она мотнула в сторону Макарова головой.

– А почему вы не оформите льготы? – неожиданно рационально, хоть и опять уводя тему в сторону, спросила бабушка Амвросиева Марию, которая только отдышалась после монолога. Оставаясь, впрочем, верной себе, бабушка указала пальцем на Умярову и добавила: – Вон таджикам же дали за что-то?

Мама Умярова смотрела на Амвросиеву широко распахнутыми глазами. Она снова поняла, что речь точно о ней, и выглядела собранно и строго.

– Давайте мы сначала, Анастасия Вадимовна, разберемся с папой. – Варакина была непреклонна и явно намеревалась довести дело до конца. – Если вы не возражаете.

Анастасия Вадимовна пожала плечами. «Что тут возразить?» – читалось в этом жесте. «Вы же все равно не отстанете», – имела она в виду. Глядя на нее, начал говорить папа Макаров. Ему было очевидно не отвертеться от объяснения.

– Уважаемые родители, – начал он. – Раз этот вопрос вас так интересует...

– Конечно, интересует! – Бушков оживился. Ему было приятно видеть неловкость и определенную заганность этого хохмача.

– ...я хочу вас заверить, что лишение родительских прав в силу еще не вступило. Но и не в этом дело. – ровным голосом, но несколько виновато говорил Макаров.

– Какая разница, что не вступило? – встала Мария.

– Дело в том, что никакой опасности ни для каких детей я не представляю. Ни для своей, – он сделал паузу, но так и не сказал «дочки», – ни для ваших. Это все результат несправедливости и, скажем так, не очень честного разбирательства по расторжению брака. И если вы уверены, что родительских прав так просто не лишают, смею вас разочаровать.

– А как лишают тогда? – спросила Варакина с акцентом на «как».

– Из мести. И из глупости, – грустно произнес Макаров.

– Что ж ты такого сделал, так мстить, сынок? – бабушка Амвросиева неожиданно включила какой-то новый уровень фамильярности. Макаров, впрочем, отнесся к нему абсолютно спокойно.

– Ну во-первых, я неудачно женился. Во-вторых, я неудачно развелся. И, наконец, – он вздохнул, – моя бывшая жена вышла замуж за крайне непорядочного, мстительного, злого и, увы, могущественного человека.

– Мэр, что ли? – неожиданно сочувственно присвистнул Бушков.

– Не мэр, – покачал Макаров головой. – Но похоже. Как сейчас говорят, силовик.

– Так у нас охранник из МВД! Может, спросим, чем помочь? – Бушков вспомнил свой перекур с вахтером. Он почему-то проникся к Макарову. Причем очень резко. Он почувствовал себя частью какой-то сложной истории, в которой участвовали таинственные и могущественные лица.

Макаров грустно посмотрел на него и отверг очевидно абсурдное предложение.

– Спасибо, конечно, но думаю, что школьный вахтер тут не очень поможет. – Потом он обвел взглядом остальных родителей. – Так что, уважаемые родители, будьте спокойны. Никакого вреда я никому не причинял и вообще вел себя максимально прилично. И соответственно, максимально безопасен и вообще рекомендован к общению.

– Ну вот и славно, – сказала Анастасия Вадимовна. – Пусть дочка заявление донесет. Уважаемые родители, спасибо вам за то, что пришли. Я думаю, что надо закругляться.

За окном шел проливной дождь и пахло осенью. Проведя в школе два с половиной часа, Анастасия Вадимовна заперла кабинет и попрощавшись с вахтером, пошла к остановке трамвая.

Панегирик

Наталья Сергеевна Варакина села перед чистым листом бумаги. На столе стояла кружка с чаем, лампа. На углу стола она с раздражением увидела стопку каких-то бумаг. Перед любой работой она всегда тщательно готовила рабочее место. И то, что работа эта была на дому, ее скорее мотивировало делать это особенно тщательно. Здесь не на кого было свалить бардак. Здесь был ее дом, ее правила. Стопку, видимо, оставил на столе старший сын. В последнее время, он стал заметно отбиваться от рук. По крайней мере, так казалось ей. Все чаще он перечил. Все больше проявлял «самостоятельность» – она нарочно говорила это слово тоном, полным презрения. «Умный совсем стал!» – естественно, слово «умный» тем же тоном.

Варакина, вздохнув, встала из-за стола и взяла листы. Какие-то университетские записи. Почему не в тетради? Почему надо обязательно свалить их тут? Сто раз говорили на эту тему: чистый стол, значит порядок в голове. Отнесла листы к шкафу, положила их на полку и вернулась обратно. Досаден был не беспорядок. Досадно было пренебрежение правилами дома. Установленным ей порядком. И если порядок на столе уже восстановлен, то порядок в доме все более явно нарушался. Варакина приступила к письму.

Она организовывала празднование юбилея классной руководительницы. И теперь, организовав уже почти все, села писать речь. К таким вещам, как публичные выступления, она всегда относилась очень серьезно. Речь была важна.

«В этот знаменательный день родительский комитет, я от его лица и лица всех родителей, хотели бы выразить Вам, Анастасия Вадимовна, свое глубочайшее почтение и свою безграничную благодарность. На протяжении тридцати трех лет, которые вы посвятили служению школе и детям, Вы показали себя профессионалом высочайшего уровня, что более важно, чутким, отзывчивым человеком! Вы стали второй мамой для нескольких десятков параллелей...»

Не многовато ли восторгов? Не добавить ли если не ложку дегтя, то хоть немного сомнения? Наверное, нет. А вот подчеркнуть значение настоящих мам...

«Долгими вечерами, делая домашние задания, занимаясь воспитанием, выполняя работы над ошибками, мы – родители – ощущали Вашу безграничную поддержку. Труд мамы нелегок. Дети требуют внимания и заботы. Зачастую, придя с работы, уставшие и лишенные сил, мамы могут сложить руки. Тем ценнее для нас Ваше участие. Ваша преданность профессии ни для кого не секрет. Как не секрет и то, что в любой час дня и ночи придя в школу, в ней всегда застанешь Анастасию Вадимовну!»

Варакина вспомнила, как приходила в школу прошлым летом на подачу документов. В школе не было никого, кроме вахтера. Не было даже секретаря. Она вспомнила свое негодование: «Летом у них отпуск два месяца! А ты ходи, лови...». Вспомнила бесконечные учительские проговорки про «сил нет» и большую нагрузку. Как она ловила себя на коварной мысли о том, что нагрузка-то: сорок минут, да перерыв, да сорок минут и в три свободен... Нет. Так мы хорошую речь не напишем.

«В любой ситуации Вы всегда сохраняли уверенность и контроль».

Дописав слово «контроль», она посмотрела на сложенные на полке листы и подумала о старшем сыне. После поступления в институт он заметно изменил поведение. На ее вопросы о лекциях и заданиях отвечал односложно. Становилось само собой разумеющимся, что он бросал «Это мое дело» на замечание о том, что пришел поздно. А тряпка-муж ему это спускал. С тем же равнодушием и отстраненностью, с которыми относился к сыну всегда.

С пятого класса, наверное, муж уговаривал ее дать ребенку, как он выражался, больше личного пространства. Не готовить с ним уроки. Не проверять домашнюю работу. Очевидно было, что с его стороны это было проявлением равнодушия. Его вечного ни то ни се. Сам он, наверное, именовал это бесконфликтностью. Даже с собственным сыном не хотел ссориться, и потому отстранялся от воспитания.

Наталья Сергеевна окончательно отвлеклась от речи и сосредоточилась на муже.

Со стороны он, наверное, казался вполне волевым человеком. Со стороны он мог казаться добрым человеком. Знала она его волю. Знала она его доброту. Когда нужна была воля, чтобы настоять на переоформлении бабушкиной квартиры, муж мямлил что-то про «нехорошо» и «не по-людски». А когда своя семья живет в однокомнатной, доставшейся от ее – заметь! – мамы, это по-людски? Когда в доме нет денег, потому что он опять кому-то из своих бесконечных родственников сделал перевод – это по-людски? Когда тебя просят. Хорошо просят. Пожалуйста, потребуй в конце концов хотя бы машину, на которую ты имеешь полное право. Машину, которую твой отец обязан был тебе завещать, ты им так помогал! Где воля?

Или доброта. Легко казаться добреньким, когда тебе все равно. Легко говорить: «оставь ему пространство для ошибок», когда тебе просто не хочется заниматься собственным сыном. Хочется появляться на его выпускном, расплывшись в улыбке, и хвастаться, как сын поступил в институт на бюджет? А заставлять сына сквозь слезы, сквозь крики, сквозь пощечины продираться через школьную программу, чтобы на этот бюджет поступить, не хочется? Легко быть добрым, когда все это проходит мимо тебя. Когда другой занимается с твоим ребенком. Когда другой занимается домом. Когда ты приходишь домой и воспринимаешь чистоту как должное. Когда ужин на столе – само собой разумеющееся. И пучить свои бесстыжие глаза: «А почему у Паши двойка по математике?» – А потому! И пыхтеть: «Надо с Пашей позаниматься» – позанимайся! Это не доброта, когда просто не обращаешь внимания.

У Натальи Сергеевны сбилось дыхание. Она неподвижно сидела за столом, склонившись над листом с речью. На лист падали слезы.

«Мы бесконечно благодарны Вам за заботу о самом дорогом, что есть в жизни каждого родителя. Каждой мамы. Каждого папы. За заботу о наших детях. За ту теплоту, которую Вы вкладываете в каждого из них. И хотели бы поздравить Вас с юбилеем и вручить небольшой подарок».

Нагрузка

Она просыпается и заваривает кофе. Черный как смоль. В турке. Запах разносится по квартире. Дочка во вторую смену. Будить не стоит. Проснется по будильнику. Сама.

На кухне тихо работает телевизор.

В студии люди. Эксперты в пиджаках. На одном – галстук. Звучит тревожная, но динамичная музыка. Ведущий – мужчина средних лет надвигается на камеру из-за кулис и говорит на ходу.

– Добрый день уважаемые телезрители! Новый день – новые тревоги. Саммит стран Европейского Союза в Париже. На полях саммита проходят встречи, которые многие называют судьбоносными для Европы, а кто-то говорит, что и для всего мира! Об этом и многом другом мы поговорим в нашей программе!

Музыка замолкает. Ведущий поворачивается в камеру невыспавшимся лицом. На нем тень измождения.

– Итак. Президент Франции встретился с канцлером Германии. По итогам встречи состоялся подход к прессе. В очередной раз звучат навязшие на зубах требования к России. В очередной раз звучат угрозы. Петр Ильич, что скажете?

Камера переключается на пожилого мужчину в галстук. Титр объясняет, что Петр Ильич – директор института межличностных геополитических коммуникаций глобального Юга и стран Центральной Африки и Америки. Петр Ильич выглядит бодро. Говоря, он то и дело рубит ладонью воздух.

– Ну, сразу скажу, что именно такой исход встречи мы все в общем и прогнозировали. Ничего принципиально нового сказано не было. И как совершенно верно отметил наш Президент, европейцы продолжают рубить сук, на котором сидят. С кем встречается президент так называемой Франции? С канцлером Германии. Страны, как мы знаем, породившей фашизм.

– Ну фашизм все же породила Италия, – возражает ему молодой человек с аккуратной бородкой. В студии он отвечает за фронду. Тут же студия оживает. Слышны выкрики «Какая разница?» и «Там тоже фашизм!».

– Ну вы меня поняли, – резюмирует Петр Ильич. – Это страна, проводившая последовательный геноцид. Отмечу – советского народа в том числе. Миллионы матерей потеряли сыновей. Миллионы. Мы не забыли блокаду Ленинграда. И я напомним, что в ней принимали участие не только немцы. Вся Европа! И эти вот люди, это потомки тех самых зверей.

Выкрики «Голубая дивизия!». Ведущий улыбается и поднимает палец вверх.

– Президент так называемой Франции, – Петр Ильич разводит руками, – теперь имеет еще основания что-то заявлять о якобы так называемых требованиях.

– Там падение ВВП в этом году уже 0,7 процента. – Молодой эксперт с бородкой. Камера переключается на него.

– Да, вот интересно! – говорит ведущий. – Ильрак Ахмедович, экономика – это не всегда понятно нам, простым смертным. Но можете вы нам вкратце пояснить?

– Конечно, – соглашается молодой эксперт. – В пятом году наблюдался устойчивый рост. С того момента, а особенно с момента всем известных событий, роста нет, волатильность определенная имеется – это да. Но роста нет. Возникает риск рецессии экономики Германии, которая неизбежно подталкивает и экономику Франции. Даже полтора процента роста – это не рост.

– Вот за что я Вас люблю, Ильрак Ахмедович, это за простые объяснения сложных вещей, – довольно улыбается ведущий. – Мы прервемся на короткую рекламу и вернемся в студию через несколько минут. Не выключайтесь.

Анастасия Вадимовна выключает телевизор. Она допила кофе.

Вещи собраны. Когда она уходит, на кухню из комнаты выходит сын. От двери, гремя ключами, она как можно более громким шепотом:

– Я пошла. Сегодня собрание. Буду поздно.

– Хорошо, – бормочет сын и идет в ванную комнату.

На улице вовсю весна. Час ранний. Когда она выходит из подъезда, за поворотом дома гремит трамвай. Пахнет зеленью: ночью был дождь, запах свежий и почти густой. Выйдя из подъезда, она останавливается, будто собираясь вернуться за чем-то забытым. Потом, будто таясь, достает из кармана плаща пачку сигарет. Закурив, она стоит у подъезда. Минут десять есть. Можно не спешить. Курит она не спеша, но иногда вращает головой. Так курят школьники за гаражами.

В трамвае почти никого. Она с облегчением садится. Колено слегка гудит – почти незаметно, но она знает, что к вечеру каждый лишний шаг будет критичен. Если много ходить с самого утра, уже к обеду болеть будет нестерпимо. Она смотрит в окно. Трамвай звенит. «Следующая остановка “Зоопарк”», – приятным ровным голосом. Она не читает. Привычку читать в транспорте, откровенно говоря, она так и не приобрела. Качает. И зрение не то. Снова звенит. «Следующая остановка “Поликлиника”». За окном просыпающийся город. Черный от влаги асфальт. Чирикают воробьи. Она их не слышит. Она слышит «Следующая остановка “Школа”». И звонок. И звонок. Двери закрываются.

– Вы рано, Анастасия Вадимовна!

– Что делать, Пал Петрович! Служба!

Она делает несколько шагов по коридору, останавливается.

– Кто сегодня дежурный учитель?

– Евдокимов, – сверяется с записями на столе вахтер.

– Пал Петрович, я Вас попрошу, до его прихода, если что, сразу зовите меня.

– Конечно, Анастасия Вадимовна!

Она знала, кто дежурный. Она знает, что Евдокимов опоздает.

– И как он придет, позвоните мне, пожалуйста. И в любом случае заметьте время.

– Конечно, Анастасия Вадимовна!

На часах семь утра. У нее полтора часа до первого урока. Полтора часа для бумажной работы. Она не успела дописать ответ в Минобр по результатам срезов знаний. Все эти «по результатам контрольных групп из параллели девятых классов, семьдесят процентов учеников показали результат “хорошо”». Ей надо подбить статистику. И потом самое важное. Самое важное.

Она печатает. Пальцы привычно по клавиатуре. Каждый божий день за компьютером, а метод слепой печати так и не освоен. У нее метод «полуслепой печати».

Какие-то буквы вслепую. Большинство, сверяясь с тем куда жмешь. Она внимательна. Любая опечатка практически фатальна. А тем более ошибиться с цифрами, не дай бог.

Семь сорок пять. Звонок.

– Пришел, Анастасия Вадимовна.

– Спасибо, иду! – она поднимается и идет на вахту. Она идет по коридору, попутно докручивая себя до нужного настроения. Ей нужно чуть злости. Важно не переборщить. Говорить она начинает, еще не дойдя десятка шагов.

– Антон Михайлович, доброе утро. Спасибо, что пришли!

– Доброе утро, – говорит Антон Михайлович. Ему двадцать пять. Математик. Второй год в школе. И ничего не меняется.

– А расскажите пожалуйста, почему вы опоздали сегодня? – как бы приветливо говорит она. Это «как бы» явно слышно.

– Почему опоздал? – отвечает математик с вызовом. – Уроки в восемь тридцать.

– Вы дежурный учитель. И должны быть на дверях в семь тридцать. И вы прекрасно это знаете, – несколько монотонно.

– А это где-то записано? – математик самоуверенно смотрит на нее.

– Антон Михайлович, это записано в правилах внутреннего распорядка, например. И я хочу в очередной раз обратить ваше внимание на недопустимость опозданий. Вы же учитель, в конце концов.

— Вот именно. Вот именно. – Математик заметно выше нее и сейчас начинает как бы нависать, слегка подавшись вперед. – Я учитель, а не вахтер. Почему я должен торчать тут на час раньше уроков?

– Потому, Антон Михайлович, что хотим мы с вами или нет, это – часть нашей работы. – Она смотрит на него совершенно спокойно. Тон ровный.

– Моя работа – это вести урок. – Он отступает и поворачивается к дверям. Дает понять, что разговор окончен.

– Не только. Не только, к сожалению. Я попрошу вас отнестись серьезно и к этой части ваших должностных обязанностей. – Она берет паузу и ждет реакции. Реакции нет. Как нет оба года его работы. Наконец, выдержав паузу, она добавляет: – К сожалению, школа вынуждена будет лишить вас премии.

Антон Михайлович заметно оживляется. Он опять надвигается и нависает. Теперь еще и жестикулирует.

– Что за порядки! Я на вас управы, что ли, не найду? Меня вон в третью школу зовут, в конце концов! С математическим уклоном! – он показывает рукой в пространство за стеклом. Где-то в пространстве стоит третья школа. С математическим уклоном. Его не зовут туда. Его никуда не зовут. Как преподаватель он слаб. Но дефицит кадров, и его никуда не денешь. – Я буду писать в управление образования!

Она пожимает плечами и идет обратно в кабинет.

– Пишите. Я не могу запретить вам писать, – кидает она, уходя. Он будет писать. Многословно и бессмысленно, как он писал уже несколько раз. В прошлый раз он, кажется, даже нашел какого-то юриста по трудовым спорам. Но юрист этот был так же плох, как плох был учитель математики. Видимо, какой-то друг или бывший одноклассник. Письмо было полно обид и безграмотно со всех точек зрения. Сейчас вряд ли будет лучше. Время у школы отнимет, но толку не будет.

«Отнимет время у школы», – думает она, садясь обратно за компьютер, и возобновляет работу. Это «у школы» – не абстракция. Он отнимет время у нее. Ей разбирать эти малограмотные каракули. Ей писать обоснование в надзорный орган. Ей идти в трудовую комиссию. Но это потом. Потом. Сейчас восемь.

В учительской планерка. Говорит речь. Она совсем коротко и только о важном. Кто болен? Кто не оформил журнал седьмого «Д»? Мальчик не говорит по-русски? Помилуйте, почти год учите. Это ваша недоработка, а не его недостаток. Курят в уборной? Я зайду сегодня проверю. И вы проверяйте. Удачи, коллеги.

Восемь двадцать, и пора в класс. А потом, потом самое важное. Меж уроков.

И идут уроки. Девятый класс. Перерыв. Седьмой. Перерыв. Опять девятый. Большой перерыв. Пятый. Ее класс. Перерыв.

Шестнадцать ноль семь. Она в кабинете. Она печатает.

«...может быть охарактеризован только с положительной стороны. Активно участвовал в жизни и воспитании ребенка. Регулярно посещает родительские собрания. Несмотря на препятствия со стороны матери ребенка и ее нового мужа, пытается сохранить влияние на воспитательный процесс. Школой его влияние на дочь оценивается глубоко положительно. Ребенок тяжело воспринимает разлуку с отцом и радуется любой возможности с ним встретиться...»

Звонок с вахты.

– Анастасия Вадимовна, к вам пришли!

– Спасибо! Пропустите, конечно.

В кабинете скуластая брюнетка. Дочь в отца, но и от матери что-то есть.

– Вы вызывали по поводу Светы? – брюнетка говорит подчеркнуто вежливо, но слегка раздраженно. Брюнетке явно неприятен этот вызов.

Она говорит, что да, и они долго говорят. Что ребенок выглядит подавленным и школа озабочена. Нет, вряд ли она всегда такая. На ребенка влияет атмосфера вокруг. Нет, в школе как раз все хорошо. Есть подруги. Определенный авторитет в классе. Успеваемость хорошая. Но видно, девочке не всегда просто сосредоточиться. Да, это скорее от ситуации в семье. Все хорошо в семье? Я вас ни в чем не обвиняю. Конечно, я понимаю. Конечно, я понимаю, что у нее все есть. Конечно, не наше дело. Да, мы вовлечены. Это часть нашей работы. Да, опека консультируется. Ну что вы! Пишем, как есть.

Они расстаются вполне нейтрально. Брюнетка все понимает. Они с мужем последят.

– Я понимаю, что это личное, но почему вы все же лишили бывшего мужа родительских прав? – спрашивает она брюнетку наконец. – Он все же приличный человек, насколько я понимаю.

– Дело не в нем, – улыбается брюнетка вполне доверительно. – Просто понимаете... Мы сейчас часто путешествуем. И получается не очень удобно.

– Простите? – она внимательно смотрит на брюнетку.

– Ну, неудобно, знаете, каждый раз доверенность на выезд оформлять. А Артем, ой, бывший муж еще и не всегда давал ее. Понимаете? Да и когда давал, лишняя морока. – Брюнетка смотрит искренне и незамутненно. – У меня супруг человек занятой. И эта беготня за разрешениями раздражала.

Брюнетка исчезает.

Анастасия Вадимовна садится за стол и допечатывает.

«В связи с вышеизложенным, школа поддержала бы решение о восстановлении гражданина Макарова А. О. в родительских правах».

Самое главное завершено.

Двое на одного

Совершать благие дела в одиночку несложно. Хороший поступок наполняет человека радостным воздухом, напоминающим, как говорят, веселящий газ. Совершать в одиночку гадости способны только самые последние негодяи, обладающие к тому же определенным чувством самоиронии. Для совершения гнусности почти всегда нужна толпа. На худой конец, небольшое совещание. Человек на десять-двенадцать. Чтобы «слушали-постановили» размыло ответственность. Чтобы у голосовавшего за подлость человека могли остаться иллюзии на свой счет. Сомнения в правоте и правомерности,

муки совести – все скроется за лесом поднятых рук. Одна рука – дерево. Видно ли его за лесом?

Когда Анастасия Вадимовна вошла в кабинет директора, там уже были трое. Сама директор, Лидия Степановна, сидела почему-то на приставленном к ее столу стуле, сбоку. Перемещенная из своего кресла, она пыталась сохранять обычный торжественно-деловой вид, но давалось ей это с трудом. В массивном, но невероятно удобном директорском кресле сидел крупный мужчина в костюме. Несмотря на свежий ремонт директорского кабинета, костюм мужчины смотрелся слишком дорого для помещения. У мужчины было крупное красное лицо. «Поговорим?» – как бы застыло на этом лице, и видно было, что говорить лишнего с мужчиной не стоит. На стуле у стены сидела завуч по воспитательной работе Елена Михайловна. Крупная женщина, она как-то по-детски ерзала, словно силась слиться со стеной, а там уже – чем черт не шутит? – вывалиться сквозь эту стену в соседний кабинет.

– Анастасия Вадимовна! – директор, слишком бурно радуясь, вскочила со стула. – Вот! Хорошо, что пришли!

Директорская реакция явно диссонировала с ее обычным формально-назидательным тоном. Казалось, что она ждала Анастасию Вадимовну давно и не верила, что та появится. «Ай радость-то какая!» – казалось, выкрикнет она.

– Добрый день, Лидия Степановна. Здравствуйте, Елена Михайловна. – Анастасия Вадимовна кивнула обеим женщинам. Мужчина за директорским столом молчал.

– Садитесь пожалуйста! – директор повернулась к мужчине. – Вот наша классная руководитель и завуч. Анастасия Вадимовна. Прекрасный педагог.

Анастасия Вадимовна села у стены рядом с Еленой Михайловной. Мужчина встал из-за стола и представился.

– Платов Сергей. Очень приятно. – потом, сев обратно, посмотрел на директрису, усаживающуюся на свой приставной стул. – Вы не обращайтесь на меня внимания, пожалуйста. Начинайте.

Директор чуть отдышалась. Потом начала. Она старалась говорить максимально обычным тоном. И ей это совершенно не удавалось. Ну хотя бы потому, что она отчего-то стала говорить во множественном числе.

– Мы, собственно, по такому, Анастасия Вадимовна вопросу хотели с вами поговорить. Месяц назад вы от имени школы подписали бумагу, касательно биологического отца одной из учениц вашего класса. И предоставили эту бумагу...

– Вы, Лидия Степановна, про Макарова? – спросила Анастасия Вадимовна.

– Да-да! Эта бумага! – горячо откликнулась директор. – Помните?

– Да, я ее не только подписала. Я ее составила.

– Это нормальная практика! – выпалила директор, повернувшись к Платову. – Это так всегда делается. Школа пишет постоянно характеристики, например.

Платов кивнул.

– Анастасия Вадимовна! Это очень хорошо, что вы помните! Значит, в детали не придется вдаваться! – обрадованно сообщила директор и торопливо продолжила: – Надо эту бумагу переделать. Там, к сожалению, дана неверная характеристика.

– Лидия Степановна, подождите. Я составляла все сама, и характеристика верна, – ответила Анастасия Вадимовна.

– Позвольте я, – неожиданно заговорил Платов. Перед ним на столе Анастасия Вадимовна увидела ту самую, ей составленную, бумагу. Платов говорил и сверялся с ней. – Вот вы, Анастасия Вадимовна, пишете, что Артем Олегович может быть охарактеризован с исключительно положительной стороны. И пишете, что он оказывает на дочь позитивное влияние.

Платов внимательно посмотрел на Анастасию Вадимовну.

– Но вы же не знаете о нем толком ничего. Видите его только тут иногда. В школе, – он вздохнул. – Вы не знаете, какие сайты он читает. О чем он говорит с друзьями. Что он думает. А утверждаете, что только с положительной...

Платов говорил с уверенностью человека, точно знающего, что папа Макаров читает, говорит и даже думает.

– В современном мире, Анастасия Вадимовна, влияние на молодежь очень важно. Особенно если оно подспудно оказывается через, – он сделал паузу, чтобы подчеркнуть следующее слово. – Биологического отца. Ребенок, как губка, впитывает различные деструктивные паттерны и модели поведения и не понимает, что они деструктивны.

– Вы позволите? – хотела было возразить Анастасия Вадимовна, но Платов не позволил.

– Я закончу, – резко сказал он и продолжил. – Сейчас особенно важно воспитывать в детях правильные чувства. Патриотизм. Любовь к Родине. Уважение к старшим. Любовь к семье. Послушание, наконец. Показывать им правильные фильмы. Читать им правильные книги. Вы, не разобравшись, написали, что биологический папа участвует в воспитании. Но разве это участие в воспитании?

Анастасия Вадимовна слушала Платова автоматически, как слушают много раз слышанное. Она не понимала, как излагаемое перекладывалось на любовь к семье, о которой Платов говорил.

– Света возвращается от него домой, и ребенка не узнать! – продолжал Платов и становилось, наконец, ясно, кто он такой. – Она, простите, говорит такие вещи, что ум за разум заходит! Она мне говорит, что уважение надо заслужить. Мне! Она говорит, что у нее может быть свое мнение. Мнение! Говорит она мне. Мне! И много еще чего. Я не буду тут растекаться мыслью.

Он замолчал. Заговорила директор.

– Вы, Анастасия Вадимовна, наверное, уже поняли, что Сергей Семенович – это папа девочки. Но это и не важно! Важно, что мы разобрались, – она с улыбкой взяла со стола другую бумагу. – Вот, мы подготовили корректный вариант. Исправленный. Елена Михайловна напечатала. Нам всем, и вам, Анастасия Вадимовна, необходимо подписать.

На Елену Михайловну было страшно смотреть. Она тяжело дышала, стараясь при этом не дышать. Анастасия Вадимовна пробежала бумагу глазами. Повернулась к Платову.

– Мне, Сергей Семенович, ваша жена совсем не так изложила суть дела и почему вы не хотите восстановления родительских прав у Макарова. – Она смотрела спокойно. Без тени вызова.

– Да что она понимает, – отмахнулся Платов. – Вы слушайте меня. У бывшего мужа не так все просто. Он плохо влияет на дочь. Это очевидно. И мне и надзорным органам.

– Я все же, знаете, Лидия Степановна, – так же без тени вызова Анастасия Вадимовна протянула бумагу обратно, – останусь при своем мнении. И это подписывать не буду.

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Бюст Льва Толстого на директорском столе смотрел на Анастасию Вадимовну удивленно и ободряюще.

– Мне, конечно, не совсем понятно ваше упорство, – мрачно сказал Платов. – Мы же вроде говорим о простых вещах. О Патриотизме. Об уважении. К старшим. К ветеранам. К нашему Руководству. Без уважения, без понимания того, как это важно, к чему мы скатимся? А ведь все начинается со школы.

– Мы ведем уроки патриотического воспитания! Анастасия Вадимовна – историк! – включилась директор, на Платов ее не слушал.

– В школе закладывается вся та основа, из которой получается гражданин. Настоящий гражданин. Не лезущий со своим мнением, когда его не спрашивают, а готовый пожертвовать всем. Готовый жизнь положить на алтарь Отечества. Школа – фундамент Государства. Недаром и выборы проводят в школах.

– У нас очень хороший результат на выборах! Очень хороший! Процент очень... – директор торопливо говорила Платову, сжимая неподписанную бумагу в руках. – Все очень довольны. Анастасия Вадимовна член избирательной комиссии.

– Вы, как педагоги, именно этому должны учить детей. Соборности. Жертвенности. Уважению. Пониманию того, что целое всегда важнее частного. Мы с вами понимаем друг друга?

Лучше всего друг друга умела понимать директор, и она откликнулась.

– Конечно, Сергей Семенович! Конечно! – поспешно обернувшись на завучей, она объявила: – Коллеги, давайте голосовать! И по результатам голосования мы подпишем бумагу!

Шумно выдохнув, Елена Михайловна подняла правую руку.

– Собранием педсостава! Кто за принятие текущей версии? – сформулировала вопрос директор и тоже подняла руку. Она с надеждой смотрела на Анастасию Вадимовну. Та смотрела на Льва Толстого. – Анастасия Вадимовна, вы за?

– Я – нет. Не за, – вздохнула Анастасия Вадимовна. Платов вопросительно смотрел на директора.

– Ну, общему-то решению вы подчинитесь? – все еще с надеждой спросила Лидия Степановна.

– Давайте вы просто без меня подпишете, раз уж так? – Анастасия Вадимовна бесхитростно смотрела директору в глаза. – Я, в конце концов, может быть и лишняя там, в бумаге?

Луч угасшей было надежды осветил лицо директора. Она радостно повернулась к Платову и выпалила.

— Это же прекрасная идея! Анастасия Вадимовна могла бы быть, например, на больничном! Ее могло просто не быть сейчас! – и пока Платов не опомнился и не вернулся к своим философским исканиям о судьбах отчизны: – Анастасия Вадимовна, спасибо, идите! Мы поговорим в понедельник!

Анастасия Вадимовна шла по коридору с той легкостью на душе, которую могут позволить себе люди, избежавшие участия в сооружении дурных поступков. В этой легкости было что-то детское. Коридор пах школьной столовой. В большие окна был виден залитый зеленью парк. Если бы не боль в колене, она, может быть, даже и пробежалась.

Вернувшись в кабинет, она улыбнулась.

1995

Когда Настя молодым специалистом только попала в школу, даже говорить о деньгах, в ней зарабатываемых, было странно. Деньги в школе не зарабатывали. Деньги платили. И то не слишком часто, чтобы педсостав не успевал привыкать к хорошему.

– Мы здесь не ради заработка! – резонно отмечала директор школы на планерке, когда вопросы о невыплаченной зарплате оставались единственными в повестке. – Помните об этом!

– Ну это забудешь! – смеялась Настя со стула у двери учительской. Неодобрительно оборачивались пожилые учителя.

– Вам вот все только смеяться! – стыдила учитель русского и литературы. – А у людей семьи! Мы третий месяц на обещаниях живем!

– Я и не смеюсь. – Настя делалась серьезна, нарочно слишком серьезна, чтобы можно было в это поверить. – И потом, у меня же тоже семья.

И семья действительно тоже была. Все как положено. По паспорту: получите и распишитесь. Молодая ячейка молодой страны. Только радость впереди.

– Труба зовет! – Настя выпархивала из постели. – Ты сегодня Вальку из сада заберешь?

– Заберу... – ворочался в полудреме муж. – Ты только сейчас сама отведи. Я посплю еще.

– Все тип-топ и хип-хоп. – Она, улыбаясь, прошмыгивала мимо детской кроватки на кухню. В свои законные пятнадцать минут одиночества. Без мужа. Без Вальки. Пусть поспят еще. На завтрак вечный кофейный напиток. В турке – как положено для кофе. Как положено для дорогого кофе. А кофе был им дорог любой.

Привычка государства российского держать своих птенцов в черном теле неистребима, как само государство. Денег в семье начинающего школьного учителя не было бы совсем, но помогали родные. Конечно, вроде и неловко каждый месяц с протянутой рукой, но должны же понять! На что молодому учителю жить, если по полгода не платят? А муж? Ну, он пытается. То тут, то там. Шабашит, но много ли нашабашишь, когда кругом суданская нищета.

– Подъем, дорогой! – Настя будила ребенка и начинались сборы в сад. Уже от двери, оставив одетого сына ждать, она возвращалась в комнату. Целовала мужа. И коротко: – Сегодня Маликов! Не забудь!

– Не забуду, – бурчал муж, переворачиваясь к стене.

На концерт Маликова она откладывала, экономя на обедах. В самом деле, что за жизнь, если вообще никуда не ходить? А тут – звезда! Но до концерта еще дотянуть. Сына в сад. Волчком в школу. Планерка. Первый урок.

– Ну что, лоботрясы? Готовы? – Настя улыбается и подмигивает ученику за первой партой. – Про реформы Александра Второго нам расскажет... Алехина.

Встает Алехина и уныло идет к доске.

– Больше энергии, Маша, – подбадривает Настя. – Тебе сейчас крестьян освобождать, а ты как на каторгу.

Класс смеется. Алехина тоже смеется, понимая, что в шутке подсказка, и уж теперь хоть одну реформу она назовет. Во время ответа Настя смотрит на потомков, освобожденных с легкой улыбкой. Изредка:

– Петров, ты там извелся весь. Сядь ровней. Послушай, про прадедушку. – Смех.

– Шарко, Афанасов, немного уважения к однокласснице! Что шушукаетесь, как эсеры перед мятежом? – Смех.

За этот смех Насте уже влетало. Журила завуч.

– У тебя на уроках какая-то слишком свободная атмосфера. Может быть, ты не справляешься с классом? – смотрит с вызовом. Настю раздражает тыканье. Еще с тех пор, когда она сама сидела за партой. Она даже в какой-то момент думала, что, придя в школу, будет с учениками взаимно на вы. Этот выворот прошел у нее после первого года безуспешных попыток заставлять себя всегда говорить пятиклассникам «вы». Выворот прошел, раздражение осталось.

– Нет, Людмила Александровна, у нас все хорошо, – говорит Настя как можно более убедительно.

– Смотри там. Когда хорошо – не смеются, – фыркает Людмила Александровна. Это полная женщина средних лет и какого-то чудовищного стажа. В школе лет двадцать уже. И всегда одинаково недовольна всем и всеми.

– Я обязательно прослежу, чтобы не смеялись, когда хорошо. – Настя спешит ускользнуть прежде, чем смысл слов окончательно понят.

Второй урок, третий, окно.

Само название, кажется, придумано, чтобы выпархивать из школы в парк. Настя хватается книгу и спешит на скамейку. Сегодня «Анжелика – маркиза ангелов». Этой макулатурой завалены все прилавки. Ну хоть отвлекись. Граф, виконт, маркиза.

– Ты слышала, что Бурого взорвали вчера? – голос Светы, географички. Настя поднимает глаза.

– Да, передавали в новостях, – отвечает она, не расстроившись, что чтение прервано.

– Какие-то партнеры бомбу под дно машины сунули. У рынка. Паша говорит так. – Светкин Паша человек знающий, мент, значит точно так.

– С такими партнерами до половой жизни и не доживешь! – смеется Настя. – На концерт идешь?

– А то. – Светка садится на скамейку. – Паша там в оцеплении. Так что тоже послушает.

Они разговаривают сорок минут. О концерте, о Буром – криминальном авторитете местного масштаба, о завуче. Потом окно захлопывается. Пятый урок. Там неожиданный вопрос.

– Анастасия Вадимовна, а вот вы говорили, что народ поддерживал советскую власть в гражданскую войну, а папа сказал, что все не так.

– Это, дорогой Леня, предмет для спора такой продолжительности, что я могу подумать, будто ты срываешь урок. – Смех.

Ей нравится, что задают вопросы. Ей нравится смех. Единственное, что ей не нравится – это то, что не платят зарплату, но она выкручивается. И она думает, что будет выкручиваться и ходить сюда, даже если зарплату отменят вовсе.

Перед концертом Маликова на сцене неожиданная Наталья Ветлицкая. Публика негодует. Наталья неинтересна. В зале и без нее почти одни дамы. Еще и покрасивей и уж точно поприличней.

– Ну так ничего, – говорит Настин муж, глядя на Ветлицкую и цокая языком. Ветлицкая поет про цветок-василек и извивается. Облако химически завитых волос трясется в разных углах сцены.

– Я те дам, ничего. – Настя легонько бьет его локтем по ребрам.

– Лахудра! – кричит на сцену муж. – Маликова давай!

Заслушан Маликов. Полные впечатлений идут домой. Паша, Светкин муж, с Настиним мужем чуть впереди. Пашина форма отпугивает хулиганов.

– Помнишь Пугачева? – спрашивает Настю Светка. – Ну этот, черепашка-ниндзя?

Смеются. Настя помнит Пугачева. Недалекий и невезучий мужик с дачи. Степень невезучести поражает воображение. Пугачев работал дальнобойщиком и потерял фалангу безымянного пальца правой руки, спрыгивая из кабины. Зацепился кольцом за ручку. Жена, переживая отсутствие маркера супружества, заставила купить второе кольцо – на средний палец. Через полгода он точно так же зацепился и им.

– Зовет на шашлыки дачных. Мы вроде наскреблись и пойдем. Вы как?

– Надо денег добыть, – смеется Настя.

В эту альфу и омегу упирается все и не упирается ничего. Ей двадцать четыре, и не в деньгах счастье. В Маликове с его лахудрой Ветлицкой – счастье. В смехе на ее уроках. В шашлыках, наконец.

В субботу, когда наскребли, и счастье совсем возможно, и случилось.

Уже веселые, в том состоянии охмеления, когда откровенные глупости еще пугают, но мелкое хулиганство уже видится допустимым и желательным, пошли собирать ветки для костра. И на ровном месте, оказавшись не таким и ровным, на ровном месте! Нога провалилась в какую-то яму, и от острой боли в колене Настя едва не потеряла сознание. Шедший рядом муж на руках вернул ее к костру. Искали машину.

– Я выпивший уже! – оправдывался Пугачев, чуть не плача. – Не могу! Прав лишат с работы вылечу.

– Ключи хоть дай, быстро! – командовал Настин муж. Голоса сквозь боль звучали отдаленно и неважно. Настя была почти в забытьи. Слезы. – Я поеду. Не остановят.

Гайцы, конечно, остановили. Прямо перед въездом в город.

– Ваши документы, – строго.

– Ты не видишь, мы в больницу едем, начальник? – еще более строго муж. И не скажешь, что уже выпивал. – Помоги!

И до больницы с мигалками. От мигалок ощущение важного и спешного. От мигалок ощущение, что все будет хорошо. А хорошо не будет.

Порвана связка. Спортивная травма. Была бы хоть физкультурником, было бы объяснимо. А так еще обиднее. Дальше – обида на обиде. Операция. Пересадка донорской связки. Та не прижилась.

– Видимо, я не такой и хороший человек, если со мной даже связка не прижилась, – шутит Настя на людях. И плачет, когда одна.

Ее учебный год завершен. И новый не начат. Больничные коридоры. Вторая операция. На этот раз человеческие запчасти подошли. Но реабилитация не в один день. Она сгибает-разгибает. Сгибает-разгибает.

– Больно?

– Больно.

Мобилизованы все. Бабушка с внуком. Дедушка со связями. Там и связей-то кот наплакал, но удастся пристроить в санаторий. Удастся найти специалистов.

С палочкой по парку. С палочкой в магазин. Пятьсот метров. Семьсот. Пара километров. И, наконец. Наконец, в школу. С палочкой. Отвыкшие от нее, вроде, дети срываются с места и норовят обнять. Окружают кольцом.

– Тише, тише. Опять мне что-нибудь порвете! – смеется Настя. Несколько девочек плачут.

Настя садится за стол и проводит теперь уроки сидя – раньше почти всегда стояла. Все возвращается на круги своя. Стала может чуть строже, но это от болей в колене. До свадьбы заживет.